

УДК 904:726.8(470.342) «11/14»(045)

Л.Д. Макаров

О РЕКОНСТРУКЦИИ СЛАВЯНО-РУССКИХ КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ БАССЕЙНА р. ВЯТКИ

На Средней Вятке зафиксированы остатки двух славяно-русских культовых построек. Одна выявлена на Еманаевском городище конца VII – X в. и представляет собой языческий храм на свободной от захоронений овальной площадке могильника XII–XIV вв. Реконструируется как бревенчатое сооружение с ямой по центру от вкопанного некогда деревянного идола. Следы второй постройки обнаружены в ходе раскопок комплекса Покста XIII–XV вв. Здесь на свободном от могил пространстве выявлена крупная подпольная яма с упавшими в нее фрагментами глинобитной печи, связываемая автором с остатками теплой кладбищенской церкви. Она была возведена на месте древнерусского селища XIII – первой половины XIV в. и существовала вместе с кладбищем до конца XV в. Храм реконструируется в виде бревенчатой одноглавой постройки.

Ключевые слова: *Средняя Вятка, древнерусские культовые сооружения, реконструкция.*

Одной из весьма редких категорий построек при исследовании славяно-русской деревянной архитектуры являются культовые сооружения. В письменных источниках, кроме упоминания «Повестью о стране Вятской» факта возведения церкви [1. С. 34–39], сведений о культовом строительстве на Вятской земле в XII–XV вв. нет. Впервые описание одного из деревянных храмов конца XVI в. (Успенской церкви Трифонова монастыря) приводит «Житие Трифона Вятского» [2. С. 71]. Отдельные данные о церквях содержат писцовые и переписные книги и храмозданные грамоты конца XVI – начала XVII в., а древнейшие изображения вятских храмов имеются на клеймах иконы Трифона Вятского второй половины – конца XVII в. [3. Обложка]. Эти материалы дают представление о внешнем облике местных православных сооружений за указанный период времени. Вопрос же об устройстве церквей на Вятке в предшествующие древнерусские столетия остается открытым. Еще более затруднены наши знания о языческих культовых постройках. Поэтому столь важны данные археологических раскопок, в ходе которых иногда удается зафиксировать следы сооружений, выполнявших культовые функции. Так, на юго-западе Вятской земли в среднем течении р. Пижмы выявлены остатки двух построек предположительно культового характера [4. С. 157–160, 167–169].

На известном финно-пермском средневековом Еманаевском городище конца VII–X вв. исследован древнерусский могильник XII–XIV вв. (М.В. Талицкий, 1929; Н.А. Лещинская, 1985–1986), на котором обнаружена уникальная для региона обрядность. Центральная часть некрополя свободна от могил (если не принимать во внима-

ние двух, по-видимому, более поздних захоронений) и представляет собой овал размером 14 × 7 м. По его периметру располагались: 7 погребений с полной и 2 с частичной кремацией покойных, 4 могилы с одиночными ингумациями, одна – парное с останками погибших от поражения боевыми стрелами (в костях грудных клеток найдено по одному наконечнику стрел X–XIII и X–XIV вв.), захоронение черепа, два фрагмента круговой древнерусской керамики (следы обряда битья посуды при похоронах). К югу от овала располагались еще два погребения с частичной кремацией, два условных захоронения – кенотафы (в одном обнаружен бронзовый браслет IX–XIV вв.), еще одно погребение черепа. К ЮЗ и СВ зафиксированы два захоронения со слегка согнутыми в коленях ногами – предположительно, могилы волхвов [5. С. 89–92]. Посмертные манипуляции с телами последних нашли отражение в славянских фольклоре и этнографии [6. С. 398–399]. Данная группа описанных погребений предположительно относится к XII–XIII вв., преимущественно к домонгольскому времени и имеет непосредственное отношение к овальной площадке. Эти захоронения расходятся от последней наподобие веера, соответственно меняя и ориентацию. Более поздние могилы (вторая половина XIII – первая половина XIV в.) в целом также сохранили «веерность» своего расположения. Поэтому наряду с обычным расположением умерших головой на запад или с некоторым отклонением к югу, в южной части некрополя выявлены захоронения, ориентированные на СЗ (4 могилы) и ЗСЗ (9).

Подобное расположение погребений известно в Новгородской земле на отдельных могильниках X–XIII вв. (например, на Фёдовском), но там не

зафиксированы случаи кремации. Кроме того, новгородские бескурганые захоронения окружали более ранние сопки [7. С. 162–164]. Что же являлось центром притяжения на рассматриваемом кладбище? В процессе исследования возникали разные предположения [4. С. 157–158; 8. С. 55; 9. С. 36]. В их числе рассматривался и вариант с расположенной почти в центре овала подпрямоугольной ямой размером 105×77 см и глубиной 59 см с наклонными стенками и уплощенным дном, отнесенной автором раскопок Н.А. Лещинской к предшествующему слою поселения [10. С. 83]. Однако состав находок (шлак, кости животных, кальцинированные кости) не давал уверенности в ранней дате. Поэтому я пришел к заключению о связи этой ямы с древнерусским комплексом, а именно – с ямой от некогда вкопанного деревянного идола, поставленного в языческом храме [3. С. 18. Рис. 42, 43; 11. С. 33–34]. Похожие постройки, в том числе и с идолами, исследовались на славянских городищах – святилищах [12. Рис. 39, 59, 61]. Мы не знаем, был ли построен на месте этого языческого сооружения православный храм. О возможности его возведения свидетельствуют окончательный переход к обряду трупоположения, лишь частичное заполнение восточного края овальной площадки более поздними могилами (XIII–XIV вв.) и сохранение ими «верной» ориентации [3. Рис. 42]. О реконструкции Еманаевского комплекса см. ниже.

Более основательные признаки православной постройки обнаружены в процессе раскопок древнерусского комплекса Покста (II поселение и могильник) XIII–XV вв. (М.В. Талицкий, 1929; Н.А. Лещинская, 1985; Л.Д. Макаров, 1987, 1988). Здесь, в центре свободного от могил пространства (7×4 м), обнаружено сооружение 1: подпрямоугольная яма размером $2 \times 1,42 \times 0,5$ м, оставшаяся от подполья с остатками упавшей в него глинобитной печи [4. С. 162–163. Рис. 5, 6]. К северу и к югу от этой площадки располагались погребения (всего изучено 86 комплексов), а также три канавки от изгородей, которые также не были нарушены могилами. Судя по всему, это остатки теплой кладбищенской церкви, возведенной на месте древнерусского селища XIII – первой половины XIV в. и существовавшей вместе с кладбищем во второй половине XIV–XV в.

В отличие от Еманаевского могильника ориентация погребенных на могильнике Покста устойчиво западная с некоторым отклонением к югу. Несмотря на плохую сохранность костей, удалось установить, что здесь господствовал обряд трупоположения. При этом в двух ямах обнаружены

единичные кальцинированные кости в засыпи, в трех таковые выявлены и в могилах с ингумациями, в семи могилах найден древесный уголь [4. С. 167. Рис. 5, B], что трактуется как пережитки традиций кремирования покойных [5. С. 77–78]. Данные языческие явления подтверждаются и находками предметов почти в половине погребений. Правда, большая их часть могла попасть в могилы из слоя предшествующего поселения. Но некоторые вещи оказались в них не случайно, например, железные гвозди, фрагменты скобы и пластины из пяти погребений могли остаться от крепежа могильных конструкций. То же касается присутствия обломков круговой керамики в засыпи четверти захоронений, как реликт обычая битья посуды при похоронах [4. С. 167–168; 5. С. 23–25]. Любопытное наблюдение отмечено относительно расположения могил. Всего насчитывается 9 сохранившихся рядов погребений, из них менее половины находилось во дворе постройки, а остальные – за ее изгородью. По православной традиции рядом с церковью хоронили наиболее уважаемых и состоятельных прихожан, остальных – на некотором удалении. Выяснилось, что могил с атрибутами языческих пережитков значительно больше за канавками от изгородей (каждая вторая), нежели рядом с постройкой (пятая часть) [4. С. 168. Рис. 5]. Думается, что данная картина отражает некую стратификацию конкретной русской общины, а точнее – общеизвестную приверженность представителей власти официальному православию, включая и XIV–XV вв.

Представляется, что на могильнике Покста продолжало хоронить своих покойных то же население, которое в свое время оставило и Еманаевский могильник. Поэтому и реконструкция обеих отражает одну традицию. К сожалению, ни внешний вид, ни размеры древнерусских деревянных культовых сооружений до сих пор практически не известны. Данная ситуация вынуждает исследователей обращаться к более поздним постройкам и пытаться выявлять архаичные элементы в их архитектуре [13. С. 155–180; 14. С. 151–159]. Другой перспективный путь – использование для реконструкции данных этнографии [15. С. 123–133; 16. С. 43–59; 17. С. 100–114; 18. С. 103–124]. Надо отметить, что древнейшие культовые объекты могли совмещать в себе функции и не свойственные православной церкви позднего времени, но обычные для поздних языческих помещений (например, кухня-храм) и ранних христианских церквей, возводимых нередко на месте языческих капищ [16. С. 48–53; 19. С. 37]. И хотя данный религиозный синкретизм был присущ в основном домонголь-

скому времени, на периферии Руси, в особенности в северных вечевых республиках, в их числе и на Вятской земле, архаические традиции сохранились гораздо дольше [20. С. 12]. Весьма пёстрое содержимое находок в сооружении 1 как раз и подтверждает вероятность существования такой полифункциональной постройки на могильнике Покста.

Реконструкция рассматриваемых здесь культовых построек базируется, таким образом, как на этнографических данных, так и на достаточно поздних сооружениях, сохранивших архаичные детали, подвергшихся анализу И.М. Денисовой и А.А. Шенниковой [17. С. 100–114; 18. С. 103–123; 16. С. 43–59]. По мнению специалистов, абсолютное большинство типов и вариантов русских деревянных церквей, появившихся до конца XVII в., возникло на местной языческой основе. Из Византии был заимствован фактически только тип каменного крестово-купольного храма, почти не воспроизводившийся в дереве. А наибольшее распространение на Руси получили храмы, покрытые шатром или фонарем, возведение которых было официально запрещено около 1657 г. [16. С. 56–59; 18. С. 117–119]. Поэтому до нашего времени деревянных построек, сооружённых в старых стилизованных решениях, почти не дошло, и лишь немногочисленные рисунки дали о них представление. Наша реконструкция храмов воспроизводит покрытие их фонарями, что более характерно, кажется, для восточных районов Руси. Аналогичное покрытие в миниатюре практиковалось и при сооружении надмогильных конструкций – домиков [3. Рис. 43, 45]. В ряде случаев удалось выявить место сакральных («красных») углов в жилищах: на поселении Искра XII–XIV вв. в западном углу сооружения 1 обнаружена бронзовая кацея-кадильница [21. С. 104. Рис. 5/ А; 6/ А, 12; 7–5]; глиняный подсвечник найден в Хлыновском кремле в углу жилища 11 второй половины XIV – первой половины XV в.; два железных подсвечника выявлены в постройках XIII–XIV вв. на Никульчинском городище. Имеются также сведения о некогда существовавших культовых объектах еще при трех кладбищах – Шабалинском (XII–XIV вв.), Хлыновском I (XIII–XVI вв.), Северюхинской братской могиле (XIII в.?). Пока не выявлены какие-либо документальные данные о кладбищенских храмах на Никульчинском I (конец XII – XV в.) и Усть-Чепецком (XIII–XV вв.) могильниках, не исключено, что их там вообще не было [22. С. 192–195]. Однако приведенные выше сведения как

будто свидетельствуют об обязательной традиции возведения храмов при кладбищах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Повесть о стране Вятской* (Вятский летописец) // Тр. ВУАК 1905 г. Вып. III. Отд. II. Вятка, 1905.
2. *Житие* преподобного отца нашего Трифона Вятского Чюдотворца // Тр. ВУАК 1912 г. Вып. I–II. Отд. II. Вятка, 1912.
3. Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск, 2001.
4. Макаров Л.Д. Древнерусские памятники среднего течения р. Пижмы // Проблемы средневековой археологии волжских финнов. Йошкар-Ола, 1994. (АЭМК. Вып.23).
5. Моця А.П. Население Среднего Поднепровья IX–XIII вв. (по данным погребальных памятников). Киев: Наукова думка, 1987.
6. Афанасьев А.Н. Древо жизни: Избранные статьи. М., 1983.
7. Конецкий В.Я. Некоторые итоги исследования древнерусских грунтовых могильников в центральных районах Новгородской земли // Археологические исследования Новгородской земли. Л., 1984.
8. Макаров Л.Д. О древнерусских культовых постройках Вятской земли (XII–XV вв.) // Святителища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии: Материалы полевого симпозиума. Пермь, 1996.
9. Макаров Л. Язычество и христианство в духовной жизни населения Камско-Вятского междуречья в период развитого и позднего средневековья // Финно-угроведение. 1996. № 2.
10. Лецинская Н.А. Исследования Еманаевского городища // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1988.
11. Макаров Л.Д. Конфессиональное сознание населения Вятской земли XII–XVI вв. в свете письменных и археологических источников // Миромоделирование: гуманитарные и художественные процессы в общественной жизни. Ижевск, 2009.
12. Русанова И.П., Тимошук Б.А. Языческие святилища ранних славян. М., 1993.
13. Максимов П.Н. Творческие методы древнерусских зодчих. М.: Стройиздат, 1976.
14. Логвин Г.Н. О деревянном зодчестве домонгольской Руси // Средневековая Русь. М.: Наука, 1976.
15. Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М.: Наука, 1987.
16. Шенников А.А. О языческих храмах у восточных славян // Язычество восточных славян. Л., 1990.
17. Денисова И.М. Дерево – дом – храм в русском народном искусстве // СЭ. 1990. № 6.
18. Денисова И.М. Образ древнеславянского храма в русском народном искусстве // ЭО. 1992. № 5.
19. Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В. Христианские символы и языческие традиции Древней Руси // Символы в культуре. СПб., 1992.
20. Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В. Древнерусская церковь и архаические традиции // Язычество восточных славян. Л., 1990.
21. Макаров Л.Д. Поселение Искра – новый памятник в бассейне Средней Вятки // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1984. Вып.2.
22. Макаров Л.Д. Утверждение православия на территории Вятского края (XII–XVI вв.) // Пензенский археологический сборник. Пенза, 2012. Вып. 4.